

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31249/rsm/2020.04.15

Г.В. Семеко

ЭКОНОМИКА РОССИИ: ВСЁ ЕЩЕ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Рец. на книгу: Vercueil J. Économie politique de la Russie.

1918–2018. P.: Le Seuil (coll. Points économie), 2019. 432 p.

Аннотация. Автор рецензирует монографию французского ученого, специалиста по экономике России и постсоветских государств, в которой представлена масштабная ретроспектива трансформации российской экономики за 100 лет – с революции 1917 г. и до периода четвертого президентского мандата В.В. Путина. Анализ показывает принципы работы экономики СССР, противоречия и проблемы, обусловившие ее неэффективность и в конечном счете приведшие к рыночным реформам. Советское наследие, считает автор, до сих пор влияет на российскую экономику и является причиной многих проблем и дисбалансов. Автор критически оценивает переход к капитализму, проведенный методом шоковой терапии, выявляет основы роста в период «Блестящего десятилетия» (1999–2008), причины и последствия кризисов 2008 и 2014–2016 гг. Главной структурной слабостью современной российской экономики автор считает доминирование нефтегазового сектора, характеризующегося высокой зависимостью от конъюнктуры мирового рынка сырья. Учитывая замедление экономической динамики и накопление структурных проблем в российской экономике в последнее десятилетие, автор характеризует его как «период отступления России назад в экономическом и социальном плане».

Ключевые слова: Россия; социалистическая экономика; рыночная экономика; трансформационный переход; шоковая терапия; темпы экономического роста; структура экономики; сырьевая зависимость; внешние шоки; стагнация.

Семеко Галина Викторовна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: semecko@mail.ru

Semecko G.V. Russia's Economy: Still at a Crossroads. Review of: Vercueil J. Économie politique de la Russie. 1918–2018. P.: Le Seuil (coll. Points économie), 2018. 432 p.

Abstract. The author reviews a monograph by a French scientist, an expert in the economy of Russia and post-Soviet states, which presents a large-scale retrospective of the
262

transformation of the Russian economy over a hundred years – from the revolution of 1917 to the period of the fourth presidential mandate of Vladimir Putin. The analysis highlights the principles of the Soviet economy, the contradictions and problems that caused its inefficiency, and, ultimately, led to market reforms. The author believes that the Soviet heritage still affects the Russian economy and is the cause of many problems and imbalances. The book critically assesses the transition to capitalism carried out by means of the shock therapy method, identifies the drivers of growth during the «brilliant decade» (1999–2008) and the causes and consequences of the crises of 2008 and 2014–2016. The author sees the main structural weakness of today’s Russian economy in the dominance of the oil and gas sector, which is characterized by a high dependence on the world commodity market. Taking into account the slowdown in economic dynamics and the accumulation of structural problems in the Russian economy over the last decade, the author describes it as «a period of Russia’s retreat in economic and social terms».

Keywords: *Russia; socialist economy; market economy; transformational transition; shock therapy; economic growth rates; economic structure; commodity dependence; external shocks; stagnation.*

**Semeko Galina Viktorovna – Candidate of Economic Sciences,
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN), Russia, Moscow. E-mail: cemeko@mail.ru**

В последние годы темпы роста российской экономики замедлились, как и процессы структурных изменений. Тем не менее руководство страны ставит достаточно амбициозные цели по ускорению развития, сокращению бедности, формированию технологических инноваций, активизации инвестиций, диверсификации экспорта, восстановлению глобальных геополитических позиций и т.д.¹ Их реализация подразумевает глубокие изменения в модели экономического роста, которые позволят повысить эффективность экономики и снизить ее неустойчивость к внешним воздействиям (колебаниям цен на углеводороды, курсов валют и финансовых активов, санкциям и т.д.).

Чтобы понять, каким потенциалом располагает Россия для подобных преобразований и какие препятствия тормозят их, целесообразно рассмотреть и сопоставить различные концептуальные подходы, сценарии и рецепты, предлагаемые не только отечественными, но и зарубежными учеными. Известно, что «взгляд со стороны», особенно если это непредвзятый и компетентный взгляд, позволяет глубже проникнуть в суть проблемы, увидеть ее новые грани, а порой и переосмыслить кажущиеся очевидными выводы. Рецензируемая работа, как представляется, дает такую возможность. Ее автор – один из ведущих французских специалистов по экономике России и бывших

1. См.: [Указ 2018; Основные направления 2018].

социалистических стран. Профессор, доктор экономических наук Ж. Веркей преподает экономику постсоветских государств в ведущих вузах Франции, в том числе в Национальном институте восточных языков и цивилизаций (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO) в Париже, в котором он является вице-президентом, и в Высшей школе социальных наук (École des hautes études en sciences sociales, EHESS), где ведет семинар по проблемам БРИКС. Кроме того, он активно занимается научными исследованиями, посвященными проблемам развития стран постсоветского пространства, и опубликовал много работ по данной тематике (включая учебные пособия). Ж. Веркей стал первым французским экономистом, которому в 2017 г. была присуждена золотая медаль Международного фонда Н.Д. Кондратьева, одна из самых высоких наград ученым-обществоведам в России.

Среди зарубежных научных публикаций (в основном англоязычных) последнего десятилетия, посвященных российской экономике, рецензируемая монография выделяется прежде всего тем, что это первая работа на французском языке, в которой представлена масштабная ретроспектива эволюции экономики России за продолжительный исторический период – столетие – с революции 1917 г. и до периода четвертого мандата В.В. Путина.

Ж. Веркей показывает, как происходило постепенное разрушение советской экономической модели, какие ее элементы, сохраняющиеся до сих пор, влияют на развитие современной экономики и мешают повысить ее эффективность. По мнению автора, именно советское наследие является причиной многих проблем и дисбалансов, мешающих России занять соответствующее ее потенциалу место в мировом хозяйстве. Мысль о постоянном конфликте между наследием прошлого, вызовами настоящего и амбициями будущего в экономике (а также и обществе) проходит красной нитью через всю книгу. Так, наследие централизованного планирования экономики, от которой формально отказались в начале 1990-х годов, на практике продолжает определять траекторию страны и решения ее руководства.

В структуре книги выделены четыре главы, в которых в хронологическом порядке представлены основные этапы развития экономики России за столетие с использованием значительного массива фактов и статистических данных.

Первая глава «Функционирование, нарушение функционирования и крушение советской экономики», в которой описываются принципы работы советской экономики за период с революции 1917 г. и до 1991 г. включительно, является своеобразной логической точкой отсчета: проведенный здесь анализ позволяет объяснить и понять, какие объективные причины сделали неизбежным трансформационный переход.

Основное внимание в главе сосредоточено на характеристике хозяйственной системы, основанной на обобществлении производства, централизованном регулировании и планировании экономики в масштабе всей страны.

В созданной после 1917 г. системе централизованного планирования, поглощающего огромные людские и технические ресурсы, указывает автор, отчетливо проявился разительный контраст между идеалом высшей рациональности, которая управляет действиями индивидов в интересах обеспечения эффективности и коллективного благополучия в условиях рыночной экономики, и реальностью, в которой господствовали предписания руководства КПСС. Парадоксальным результатом этой плановой организации была постоянная импровизация и, зачастую, произвол в решениях, принимаемых на каждой ступени властной иерархии [Vercueil 2019, с. 26].

Механизм централизованного планирования, как показано в работе, постоянно порождал многочисленные макроэкономические диспропорции и провалы (в распределении ресурсов и материальных благ, отраслевой структуре, территориальном размещении предприятий, потреблении населения, инвестиционном процессе, трудовых отношениях и т.д.). Среди важнейших негативных последствий плановой организации управления на микроуровне автор называет низкую производительность труда, отсутствие у предприятий мотивации для ее повышения, модернизации производства, учета спроса и др.

После Второй мировой войны процесс планирования превратился в круговорот многосторонних согласований сначала директив ЦК КПСС с Госпланом СССР, который их трансформировал в плановые задания единого общегосударственного хозяйственного плана, а затем Госплана с исполнительными органами власти (министерства, научно-исследовательские организации, колхозы и совхозы, организации предприятий). На этом этапе Госплан дезагрегировал по отраслевому принципу общие плановые задания и директивы для многочисленных исполнительных органов. В послевоенный период насчитывалось около 50 федеральных отраслевых министерств, каждое из которых (за небольшим исключением) распределяло плановые задания и ресурсы 15 республиканским министерствам, которые дальше распределяли задания и ресурсы подведомственным предприятиям.

Техническим инструментом планирования был балансовый метод, при этом в основном использовались материальные балансы по широкому кругу продукции. Госплан ежегодно разрабатывал около 300 балансов по основным продуктам; затем они согласовывались и уточнялись министерствами, и в конечном итоге число балансов выросло до 2 тыс. Это, конечно, очень скромная цифра в сравнении количеством продуктов, обращающихся на современном рынке [Vercueil 2019, с. 32]. Кроме того, параллельно существовали планы разного срока действия: долгосрочные, пятилетние, годовые, квартальные, месячные и даже планы на сутки (24 часа).

Внутренняя структура самого Госплана была дополнительным фактором, усложняющим процедуры планирования: она включала 15 республиканских федеральных подразделений, около 20 республиканских автономных подраз-

делений, 113 региональных или территориальных подразделений и 2976 областных подразделений [Vercueil 2019, с. 30]. Кроме того, на федеральном уровне работу Госплана поддерживала группа функциональных административных структур: Центральное статистическое управление (ЦСУ), Госбанк, Госкомитет по ценам, Госснаб, Госстрой, ГКНТ и др.

Главная проблема централизованного планирования состояла в обеспечении сбора информации и ее адекватной обработки. Предприятия не всегда предоставляли достоверные данные, а в процесс их передачи она претерпевала дополнительные изменения. Громоздкая структура процесса планирования не позволяла добиться если не оптимального распределения ресурсов, то хотя бы распределения, достаточного для реализации плановых целей.

Госплану СССР так и не удалось до конца воплотить в жизнь великую мечту К. Маркса и его российских последователей о создании нового, справедливого общества, в котором развитие экономики определяется единым планом, ставящим разумные, общенародные (а не личные) цели, в котором все блага распределяются строго по труду и разница в благосостоянии каждого зависит только от его способностей и трудовых усилий.

Централизованное планирование не распространялось на распределение трудящихся по рабочим местам (право на труд подразумевало, что трудящиеся могут сами выбирать место работы), но ставки оплаты труда устанавливались централизованно и не входили в компетенцию предприятий. Такая система лишала работодателей возможности привлекать работников более высокой зарплатой. Поэтому они широко использовали другие стимулы (лучшие условия труда, дополнительные блага – распределение дефицитных продуктов и товаров, доступ к учреждениям здравоохранения, домам отдыха, удлинение отпуска и т.п.). Поскольку все трудоспособные граждане должны были работать, то увольнение работников допускалось лишь в исключительных случаях. Таким образом, между работодателями и занятыми сформировались особые отношения (*rapport salarial atténué*), когда работник знает, что в интересах выполнения плана работодатель будет мириться с его низкоэффективным трудом [Vercueil 2019, с. 37]. На макроэкономическом уровне распространение таких особых отношений выражалось в низком уровне производительности труда и повсеместном превышении численности занятых по сравнению с той численностью, которая необходима для реализации плановых заданий.

Следуя догме марксизма относительно денег как средства обогащения капиталистов, советские экономисты осуществляли планирование, главным образом, в физических, а не денежных показателях. Однако деньги не были исключены из компетенции Госплана, но они (как и цены) являлись одним из рычагов выполнения плана и распределения ресурсов, а не самостоятельной силой.

Автор справедливо отмечает, что корни многочисленных макроэкономических дисбалансов и провалов в экономике СССР следует искать в системе централизованного планирования. В их числе он выделяет следующие: количественные и качественные диспропорции в производстве товаров и услуг; хроническую неопределенность в области снабжения товарами потребителей; систематический дефицит отдельных продуктов и их нормированное распределение. Распространенная характеристика социалистической экономики как «экономики дефицита», по словам автора, является «результатом одновременно неадекватности целей планирования реальным потребностям экономики и спонтанного приспособления поведения экономических агентов к этой неадекватности» [Vercueil 2019, с. 51].

Нельзя не согласиться с выводом автора, что количественные и качественные диспропорции в производстве товаров и услуг, хроническая неопределенность в области снабжения товарами потребителей, систематический дефицит продуктов и их нормированное распределение – все это неизбежный итог централизации регулирования экономики. Распределение денег (через зарплату наемных работников) было оторвано от эффективности труда экономических агентов, а их покупательная способность превышала стоимость доступных для покупки товаров. Установление цен на товары административным путем порождало разбалансированность между спросом и предложением, которая проявлялась в увеличении очередей за этими товарами. Поскольку потребители не могли потратить заработанные деньги на потребительские товары, они вынуждены были их накапливать. Если при капитализме накопление – это добровольное ограничение потребления с целью в будущем осуществить покупку, то в социалистической экономике – это вынужденное действие, связанное с нехваткой конкретных товаров.

Несмотря на улучшение условий жизни и повышение доходов населения за три послевоенные десятилетия («тридцать славных лет», по терминологии автора), отставание СССР от западных стран усилилось из-за недостаточного роста производительности труда. В конце 1980-х годов средний уровень жизни в СССР составлял только треть от уровня западных стран [Vercueil 2019, с. 70]. Наблюдалась также сильная региональная дифференциация зарплат за счет надбавок работникам в некоторых районах (Сибирь, Крайний Север, и др.) и отраслях (военно-промышленный комплекс), а также социальная дифференциация в доходах между представителями номенклатуры (партийные работники, высшие военные чины и др.), которые помимо зарплат пользовались многочисленными дополнительными благами, и основной массой населения.

Автор критически оценивает данные официальной статистики начала 1980-х годов об успехах советской экономики, считая их завышенными (поскольку на всех этапах сбора информации данные подгонялись к плановым

заданиям, советская система счетоводства не учитывала сектор неформальной экономики, некоторые данные не обнародовались по политическим причинам и т.д.). Он указывает на их сильное расхождение с оценками западных экспертов: так, советские официальные данные по темпам роста экономики за три послевоенных десятилетия на 30–40% превышали западные оценки [Vercueil 2019, с. 66]. Однако, какие бы оценки ни брались за основу, в послевоенный период в СССР прослеживалось замедление темпов роста, особенно сильное в 1970-е годы. Это, по мнению автора, объяснялось, во-первых, экстенсивным типом экономического роста, когда высокие темпы достигаются за счет мобилизации новых производственных ресурсов (капитала, рабочей силы и т.д.), и, во-вторых, недостаточной специализацией промышленности и слабым развитием инноваций. Очевидно, что и в этом случае негативную роль сыграло централизованное планирование, которое не успевало планировать диверсификацию производства по мере появления новых потребностей и ограничивало инновации, поскольку они могли повлечь за собой каскадные нарушения в функционировании плановой системы.

В 1980-е годы неэффективность советской экономики и контраст между начинающейся на Западе цифровой революцией и технологической стагнацией в СССР становились все более очевидными для руководства СССР. Приход к власти в 1985 г. М. Горбачёва открыл эру ускоренной трансформации советской экономики. Однако реформы Горбачёва (провозглашение принципа гласности, расширение свободы выражения политических взглядов, либерализация экономики и внешней торговли, развитие частного предпринимательства, поспешные меры по макроэкономической стабилизации, проводившиеся с конца 1989 г., и т.д.) не дали ожидаемого результата, а напротив, привели в 1992 г. к окончательному распаду СССР. «Перестройка» не смогла преодолеть главные дисбалансы советской системы, в частности структурный дисбаланс между спросом и предложением. Частичная либерализация хозяйства, которую удалось провести, породила новые дисбалансы, в том числе в сфере внешнеэкономических отношений, что способствовало ослаблению международных позиций СССР [Vercueil 2019, с. 79].

Вторая глава «От “Великого перехода” к великой депрессии (1992–1998)» посвящена перестройке советской экономики методом шоковой терапии. Б. Ельцин, в отличие от своего предшественника – М. Горбачёва, был убежден в невозможности реформировать советскую систему: единственный путь – это окончательный отказ от нее, как это сделали страны Центральной и Восточной Европы.

В конце 1991 г. новые руководители страны, отбросив принципы марксизма, с энтузиазмом устремились в глобализированный капитализм. Это, по терминологии автора, «брутальное погружение» в капитализм в соответствии с рекомендациями международных организаций происходило болезненно

и привело к разрушению огромной части промышленности, падению темпов роста, обеднению значительной части населения, деградации здравоохранения и т.д. Резкий и поспешный переход к рынку оставил глубокий след в сознании населения, близкий к психологической травме. Одновременно новая и немногочисленная группа руководителей, часто из бывшей номенклатуры, быстро взяла под свой контроль рычаги экономического и политического управления. В рекордные сроки эта элита накопила огромные состояния, т.е., по выражению К. Маркса, произошло «первоначальное накопление капитала», беспрецедентное по скорости и масштабу.

Радикальные реформы, проведенные командой Е. Гайдара при поддержке МВФ и западных советников в рамках трех шоковых программ (двух программ либерализации и стабилизации и программы массовой ваучерной приватизации 1992–1994 гг.) на макроэкономическом уровне завершились полным провалом, резюмирует автор. В результате шоковой терапии в 1992 г. падение производства достигло 19%, госдолг – 15–20% ВВП, инфляция – 2500% [Vercueil 2019, с. 107]. На микроэкономическом уровне наблюдались быстрое расширение теневой экономики, рост разного рода неплатежей (зарплат, пенсий, пособий и т.д.) и падение уровня жизни россиян.

Последующее изменение приоритета экономической политики в пользу денежной и финансовой стабилизации позволило снизить инфляцию в 1995–1998 гг. (до 11%) и стабилизировать официальный курс рубля и процентных ставок. Однако в реальной экономике продолжали накапливаться проблемы из-за нехватки ликвидности. Бюджетный кризис не удалось преодолеть: из-за неэффективной работы налоговой службы сохранилась низкая собираемость налогов, широкое распространение получает практика уклонения от налогов и т.д. По оценкам, только 17% предприятий выполняли все налоговые обязательства [Vercueil 2019, с. 125]. Из-за нехватки налоговых доходов правительство стало урезать расходы, задерживать бюджетные платежи поставщикам, зарплаты служащим, пенсии и т.д. Однако дефицит бюджета не сокращался (9% ВВП в 1996 г. и 7% ВВП в 1997 г.), а его финансирование за счет займов (ГКО) увеличивало госдолг; на его обслуживание в 1997–1998 гг. тратилось 30–40% бюджетных расходов [Vercueil 2019, с. 128].

Приватизация, как ваучерная, так и денежная путем залоговых аукционов, сопровождалась большим числом скандалов и нанесла ущерб государству. Ваучерная приватизация не обеспечила, как предполагалось, «справедливое распределение» капитала приватизированных предприятий: в конце 1994 г. бывшие руководители этих предприятий владели 17% капитала, но занимали при этом две трети мест в их административных советах. Внешние акционеры фактически не имели права контроля над управлением, а держатели ваучеров вообще были ограблены инвестиционными фондами типа финансовой пирамиды (такими, как МММ). Суммарные доходы от ваучерной приватизации,

по оценкам, составили всего 12 млрд долл., что меньше стоимости одной крупной западной компании [Vercueil 2019, с. 105]. Не менее важно то, что ваучерная приватизация не привела к изменению методов управления предприятиями, расширению инвестиций, обновлению оборудования и т.д.

Поскольку отчуждение федеральной собственности было произведено по заниженным ценам, то государство недополучило огромную сумму и в ходе денежной приватизации: по итогам приватизации шести компаний (Норильский никель, ЮКОС, Сиданко, Сибнефть, Сургутнефтегаз, Лукойл) она оценивается в 11 065 млн долл. [Vercueil 2019, с. 117].

Шесть лет «Великого перехода», шоковая терапия и ее последствия глубоко трансформировали экономику и общество России. Доля частного сектора выросла с 10% ВВП в 1992 г. до 50% – в 1994 г. и 70% – в 1997 г. Однако одновременно произошло сильное сокращение численности занятых – за 1990–1998 гг. на 11 млн человек; реальная зарплата упала за 1991–1995 гг. на 55%, что усилило дифференциацию населения по доходам: коэффициент Джини вырос с 0,256 в 1991 г. до 0,412 в 1994 г. и 0,531 в 1998 г. Официальный уровень безработицы достиг 13% активного населения [Vercueil 2019, с. 131, 133, 135, 137].

Анализ показал отсутствие хоть какого-либо соответствия рыночной трансформации в России стандартным предсказаниями теоретиков и реформаторов. Политика либерализации, хотя и позволила ликвидировать дефицит товаров за счет импорта, спровоцировала ускорение инфляции, депрессию и падение курса рубля. Политика стабилизации не смогла сдержать разрушительные последствия этой либерализации. Наконец, провалилась и политика структурной перестройки экономики: во-первых, приватизация привела к огромному росту имущественного неравенства и неравенства доходов и не обеспечила модернизацию и реструктуризацию производства; во-вторых, перестройка системы социальной защиты столкнулась с финансовыми и организационными проблемами, а также с прямыми последствиями либерализации и неудачной политики стабилизации [Vercueil 2019, с. 147].

Среди критических выводов автора о рыночных реформах в рассматриваемый период хочется отметить обоснованные, по нашему мнению, замечания относительно роли государства в рыночной экономике. В ходе легитимизации новых рыночных институтов активно раскручивались: идея о государстве как институте, ограничивающем свободу действий, и вытекающий из этого вывод о необходимости сокращения до минимума его влияния. Такой подход автор считает несовместимым с фундаментальной идеей о том, что трансформация правовых рамок не может быть успешной, если новые формальные правила не будут соблюдаться. Значит, необходим институт принуждения, гарантирующий равенство экономических агентов перед законом, обеспечивающий сбор налогов, работу денежной системы и т.д. В современной

экономике, в том числе либеральной, таким институтом, конечно, является государство.

Автор справедливо указывает на опасность сильного ослабления власти государства. Как показал опыт России, поспешные рыночные реформы и чрезмерное ограничение роли государства ведут к усилению мощи других институтов (региональных и местных властей, частного сектора, теневого сектора) и к увеличению числа нарушений формальных правил (случаев уклонения от налогов, коррупции, хищений, преступлений и т.д.). В конечном счете это может вообще разрушить государство.

В третьей главе «Блестящее десятилетие (1999–2008)» анализируется период «потрясающего», по терминологии автора, восстановления экономической и дипломатической мощи России, укрепления ее геополитических позиций. Автор выявляет факторы экономического обновления страны и структурные границы модели роста.

За «Блестящее десятилетие» Россия повысила свой международный статус – от маргинальной страны (с ВВП на уровне валового продукта одного лишь центрального района Франции – Иль-де-Франс, где численность жителей в 13 раз ниже, чем в России) к «стране с развивающейся экономикой» (*puissance émergente*), которая по ВВП входила в десятку ведущих стран мира. В текущих долларах ВВП России увеличился со 170 млрд в 1999 г. до 267 млрд в 2001 г. [Vercueil 2019, с. 153, 162].

В 1999–2003 гг. темпы роста российской экономики опережали все западные прогнозы. Особенность экономического подъема состояла в том, что он начался сразу после дефолта 1998 г. и падения ВВП в 1998 г. на 5,3%: в 1999 г. рост ВВП равнялся 6,4%, в 2000 – 10, в 2001 – 5,1, в 2002 – 4,8 и в 2003 г. – 8% [Vercueil 2019, с. 162]. Первоначально, указывает автор, из-за девальвации и финансового кризиса рост внутреннего спроса был негативным, так как реальные доходы населения падали, а потому основной импульс роста ВВП исходил от чистого экспорта (положительного сальдо торгового баланса). С 2000 г. внутренний спрос берет верх над внешней торговлей: объем импорта, стимулированный спросом, растет быстрее экспорта.

Отказ руководства страны от ошибочной догмы, что проблему доверия к рублю можно решить путем монетарных ограничений, позволил снизить инфляционные риски, ограничить отток капитала, восстановить свободу движения краткосрочного капитала. Благоприятное воздействие на российскую экономику оказали также повышение цен на нефть и увеличение экспорта, рост валютных резервов.

Главный успех рассматриваемого периода – это восстановление бюджетного равновесия благодаря проведению с 2000 г. налоговых реформ (введению плоской шкалы по налогу на доходы физических лиц с единой ставкой в 13%, упрощению налогообложения предприятий, внесению изменений

в налог на прибыль предприятий, в налог на добавленную стоимость, в таможенные тарифы и т.д.). В результате бюджет существенно пополнился. Увеличению бюджетных доходов способствовали на этот раз высокие доходы от приватизации: в 2000 г. – 1,8 млрд долл., т.е. на 1/3 больше, чем ожидало правительство. В 2000–2003 гг. рост доходов федерального бюджета превышал рост расходов, и бюджет сводился с положительным сальдо: 2000 г. – +1,4% ВВП, 2001 г. – +3%, 2002 г. – +1,7% и 2003 г. – +1,7% [Vercueil 2019, с. 169–170].

Наблюдаются и другие структурные улучшения. Так, задержки зарплаты и бартерный обмен пошли на убыль, быстрыми темпами росло производство на мелких и средних предприятиях, с 1999 г. начался рост (после падения в 1997–1998 гг.) производственных инвестиций, рабочих мест, постепенно сокращался госдолг и др.

Вместе с тем ряд факторов ограничивал экономический рост, в частности такие слабости производственной структуры, сохранившиеся с 1990-х годов, как высокий уровень концентрации в добывающих отраслях, тормозящий рост конкуренции и инноваций, и коррупция. В 2001 г. на первые десять промышленно-финансовых групп (государственных и частных) приходилась половина промышленного производства, т.е. сохранялась появившаяся в 1990-е годы модель олигархического капитализма, основанная на концентрации власти и собственности в руках финансово-промышленной элиты, сросшейся с государственной властью [Vercueil 2019, с. 175]. Однако соотношение сил между государственной властью и олигархией с приходом к власти Президента В.В. Путина в 2000 г. стало постепенно меняться в пользу государства, в частности в ходе реформ, направленных на укрепление властной вертикали.

В период второго мандата В.В. Путина (2004–2008) огромное влияние на экономику России и особенно на энергетические предприятия оказало повышение цены на нефть (с 30 долл. на баррель в начале 2004 г. до 140 долл. летом 2008 г.) [Vercueil 2019, с. 179]. Увеличение валютных доходов нефтегазового сектора позволило укрепить валютные резервы Центробанка; благодаря налоговым доходам от энергетического и нефтяного секторов (в 2007 и 2008 гг. на них приходилась примерно половина доходов федерального бюджета и треть консолидированного бюджета) в 2004–2008 гг. госбюджет имел профицит в размере в среднем 4,9% ВВП [Vercueil 2019, с. 217]. Это дало возможность сократить госдолг с 99% ВВП в 1999 г. и 60% в 2000 г. до 23% ВВП в 2004 г. и 6,5% в 2008 г. [Vercueil 2019, с. 183].

Основным двигателем роста в 2004–2008 гг., как и в 2000–2003 гг., выступал внутренний спрос. Потребление росло в среднем на 12% в год, производственные инвестиции – почти на 15%. Средний рост зарплаты (с поправкой на инфляцию) был эквивалентен росту производительности (в среднем 5% в год). Это свидетельствовало о том, что деформация распре-

деления добавленной стоимости в пользу прибыли преодолена. Но сохранились сильные различия в средней зарплате по отраслям: в образовании она была почти в 4 раза ниже, чем в сфере финансов и почти в 3 раза ниже, чем в добывающих отраслях [Vercueil 2019, с. 188–189].

В промышленной политике 2004–2008 гг. В.В. Путин продолжил курс на усиление контроля над крупными предприятиями и стимулирование промышленного производства, в частности в рамках законодательства протекционистского характера, мер по укрупнению государственных компаний и в некоторых случаях юридических методов принуждения непослушных предприятий. Государство возвращает под свой контроль ведущие компании энергетического сектора: Юкос переходит в госхолдинг Роснефть; Сибнефть выкупается Газпромом; в 2006 г. Газпрому предоставляется монопольное право на экспорт газа по газопроводу; в 2008 г. принимается закон о недрах, согласно которому только подконтрольные государству компании могут претендовать на лицензии на шельфовые месторождения (на практике речь идет о двух компаниях – Газпроме и Роснефти) и др. Такой же курс проводится в рамках политики создания компаний – национальных чемпионов с государственным капиталом в нескольких отраслях.

Кроме того, правительство пытается поставить под свой контроль газо- и нефтепроводы, что приводит к обострению отношений с пограничными странами, через которые осуществляются поставки нефти и газа, и вызывает озабоченность в странах – импортерах углеводородов.

В целом позиции государства в промышленности укрепились: согласно официальной статистике за 2002–2008 гг., доля госпредприятий, где государству принадлежит более 50% капитала, увеличилась с менее 5% до 50% [Vercueil 2019, с. 201]. Разумеется, наиболее сильное присутствие государства отмечается в отраслях, считающихся приоритетными (банковский сектор, производство углеводородов, химическая промышленность, военно-промышленный комплекс и т.д.).

Несмотря на улучшение ситуации с госфинансами, социальные расходы в начале 2000-х годов упали до 13% ВВП против 20% ВВП в десятилетие кризиса, и в дальнейшем их повышение происходило очень медленно. Лишь в 2008 г. они достигли 15% ВВП. Отмечался также рост неравенства в доходах: в 2008 г. на 25% самого бедного населения приходилось 5% национального дохода против 6% в 2000 г., а на 20% самых богатых – 50% [Vercueil 2019, с. 184, 189].

Постепенно происходит накопление факторов, ограничивающих рост. Среди них: слабая модернизация производственной базы (норма инвестирования оставалась ниже 20%) [Vercueil 2019, с. 212]; признаки перегрева в производстве, максимальный уровень загрузки производственных мощностей в большинстве отраслей; рост номинальной зарплаты, опережающий рост

инфляции и производительности; диспропорции в отраслевой структуре роста; завышенный курс рубля, как и накануне краха 1998 г.; глубинные бюджетные диспропорции, связанные с беспрецедентным ростом доли доходов от экспорта углеводородов и др.

В «Блестящее десятилетие», указывает автор, в экономике России прослеживаются основные симптомы «голландской болезни», обычно связанной с бумом в какой-либо добывающей отрасли и ростом инвестиций в нее, что ведет к повышению курса национальной валюты, а это сокращает экспортную конкурентоспособность, производство и занятость в традиционных отраслях. Иными словами, «нефтяная манна» ведет к деформациям и диспропорциям в экономике. Именно такие процессы наблюдались в «Блестящее десятилетие»: хотя нефтегазовая промышленность быстро развивалась, перерабатывающая промышленность так и не достигла уровня, зарегистрированного до падения производства в 1990-е годы. Быстрая ревальвация рубля была напрямую связана с повышением цен на углеводороды, что спровоцировало приток капитала, причем лишь небольшая его часть поступила в обрабатывающую промышленность. Кроме основных признаков «голландской болезни», у «русской болезни» имелись и другие характерные черты: сращивание финансового и энергетического секторов и высокая концентрация производства в добывающих отраслях и банковском секторе.

В четвертой главе «Период турбулентности – российская экономика после 2008 г.» рассматривается развитие российской экономики после глобального финансового кризиса 2008 г. Учитывая продолжительность и негативные социально-экономические тренды «периода турбулентности» автор характеризует его как «потерянное десятилетие» [Vergueil 2019, с. 230].

Финансовый кризис был для России в определенной степени неожиданностью, так как банковские учреждения России не имели долговых обязательств по иностранным токсическим ипотечным бумагам (subprimes). Но власти отреагировали на него быстро и компетентно. Как и в странах Запада, сначала были приняты срочные меры по поддержке банковского сектора (гарантии по бессрочным депозитам частных лиц, финансовая поддержка банков, испытывающих трудности, гарантии по ссудам, которые предоставляют коммерческие банки, открытие кредитных линий для 220 самых важных банков и т.д.), затем по поддержке экономической активности (смягчение монетарной политики, меры протекционистской защиты национальной промышленности от импорта, в частности автомобилестроения и агропромышленного комплекса, гарантии по ссудам стратегическим предприятиям и др.).

Спасение банковской системы и стратегических предприятий способствовало дальнейшему усилению контроля государства над экономикой: в 2012 г. в нефтяном секторе государство контролировало 45% производства, в банковском секторе – 49, на транспорте – 73%. Рост госрасходов (на 28%)

в 2009 г. на фоне сокращения госдоходов (на 28%) привел к появлению бюджетного дефицита в размере 7% ВВП против профицита в 3% ВВП в 2008 г. [Vercueil 2019, с. 239, 233].

Несмотря на огромные затраты на антикризисные меры (по оценкам экспертов, в размере около 7% ВВП), экономический кризис в России был более сильным по сравнению с другими странами: падение ВВП в 2009 г. составило 7,9% [Vercueil 2019, с. 234]. Зато кризис продолжался недолго: уже в 2010 г. Россия продемонстрировала рост ВВП в 4,5%, начался возврат капитала в страну, активизировались производственные инвестиции, стабилизировался курс рубля [Vercueil 2019, с. 242]. Однако подъем быстро выдохся: со второй половине 2011 г. рост ВВП замедлился, а в 2013 г. прекратился рост в промышленности.

В контексте падения мировой цены на нефть, обострения украинского конфликта и введения западных санкций в РФ ускорились инфляция и девальвация рубля, что в конечном счете привело зимой 2014 г. к обвалу курса рубля, а затем и к экономическому кризису. Падение курса рубля было сопоставимым с 1998 г.: с 10 июня по 18 декабря 2014 г. рубль потерял 50% стоимости относительно доллара. Кризис рубля резко сократил покупательную способность населения, а падение спроса отразилось на инвестициях предприятий и производстве. В целом за 2015 г. ВВП упал на –2,8%, а в 2016 г., несмотря на экспансионистскую бюджетную политику и медленное восстановление цены на нефть, – на –0,2% [Vercueil 2019, с. 275–276].

Кризис 2014–2016 гг. показал, подчеркивает автор, что за истекшие 20 лет России не удалось сократить зависимость от мировой цены на нефть [Vercueil 2019, с. 278–279]. Чтобы понять, что помешало России стабилизировать социально-экономическое развитие, автор строит теоретическую схему, показывающую общую конфигурацию и соотношение основных элементов структуры экономики России с позиции теории регуляции (*la théorie de la régulation*).

В основе предложенной схемы лежит базовая категория теории регуляции – «режим накопления» (*regime d'accumulation*), т.е. макроэкономический режим, поддерживающий сбалансированные отношения между производством и потреблением. Своего рода объектами регуляции на макроуровне выступают институциональные подсистемы режима накопления (фундаментальные социальные отношения), которые именуются «институциональные формы» («*formes institutionnelles*»). В классификации институциональных форм выделяются пять групп: монетарный режим (управление деньгами и организация финансовой системы); форма и роль государства (отношения между государством и экономикой); формы конкуренции; отношения по поводу найма рабочей силы (отношения между собственниками капитала и занятыми и формирование доходов); способ международного включения

(отношения между национальной экономикой и остальным миром). Идентификация и характеристика этих институциональных форм в российской экономике за период 1999–2015 гг. дает возможность установить их иерархию и выявить доминирующую форму, т.е. главную характеристику режима накопления.

Монетарный режим, который определяет и регулирует Центробанк России, по мнению автора, в силу ряда особенностей российской экономики (низкий уровень сбережений населения, сравнительно небольшой вклад банков в финансирование инвестиций предприятий, разделение банковского сектора на два сегмента – десяток крупных банковских групп, в основном государственных, и несколько сотен частных мелких и средних учреждений) носит двойственный характер: он является одновременно либеральным и ортодоксальным. Либеральным – так как содействует свободе обращения краткосрочного капитала, ортодоксальным – так как концентрируется на главной задаче – стабилизации обменного курса рубля и на сокращении инфляции. Двойственность монетарного режима усиливает риск внезапного обвала курса рубля и требует накопления валютных резервов. Автор характеризует монетарный режим в рассматриваемый период как «режим, испытывающий давление со стороны обменного курса».

Отличительной чертой отношений между государством и экономикой является укрепление присутствия государства в экономике путем целенаправленного захвата определенных стратегических компаний. По этой причине автор характеризует эту форму режима накопления как «государство – селективный монополист».

Главной характеристикой института конкуренции в России, по мнению автора, является не ее слабый уровень, а ее сегментация и гетерогенность: в секторах, где доминирует государство, конкуренция очень слабая или вообще отсутствует; однако имеются отрасли (легкая промышленность, агропродовольственный комплекс, розничная торговля, услуги населению и др.), где отмечается сильная конкуренция. Поэтому автор называет данную институциональную форму «сегментированной конкуренцией».

Отношения по поводу найма рабочей силы во многом схожи с предшествующей формой режима накопления: низкий уровень зарплаты типичен для сферы госуслуг (здравоохранение, образование, федеральная и местная администрация) и отраслей, испытывающих сильное давление со стороны импорта (обрабатывающая промышленность), а сравнительно высокий – для отраслей, защищенных от международной конкуренции (главным образом финансового сектора), и добывающих отраслей, получающих ренту. Перераспределение доходов между указанными двумя группами отраслей очень незначительное, что является одной из причин высокого уровня неравенства

доходов и его роста в последние годы. Автор характеризует эту форму как «фрагментированные отношения по поводу найма рабочей силы».

Способ международного включения является доминирующей формой режима накопления в России. В 2000-е годы (как и в 1990-е) внешние шоки всегда задавали ритм подъемам и спадам в экономике; объем экспорта влиял на сальдо счета текущих платежей и приток валюты в страну; приток валюты определял приоритеты монетарной и бюджетной политики и т.д. Основной чертой международного включения является высокая подверженность влиянию цен на углеводороды. Ключевая роль нефтегазовой ренты в экономике служит основанием для определения рассматриваемой институциональной формы режима накопления как «рентное международное включение».

В 1999–2015 гг. иерархия форм режима накопления в России выглядела следующим образом: способ международного включения (доминирующая форма) – форма и роль государства и монетарная политика – формы конкуренции – отношения по поводу найма рабочей силы. Поскольку доминирующие позиции занимает способ международного включения, то сам режим накопления автор называет рентным.

Рентный режим накопления предопределил основные черты «способа регуляции» (*mode de régulation*) российской рентной экономики с начала 2000-х годов. Автор характеризует этот «способ регуляции» как газпромовский (*gazpromien*), учитывая растущее значение нефтегазового сектора для развития экономики, доминирование в нем Газпрома и возможность использования Газпрома государством в качестве рычага своего экономического, социального и политического влияния.

Хотя в 2017 и 2018 гг. российская экономика стала восстанавливаться (+1,5% рост в год), подчеркивает автор в заключении, неравномерная траектория развития в последние 25 лет говорит о том, что решение структурных проблем зависит в первую очередь от стабильности развития в будущем. «В этом смысле экономика России все еще находится на перепутье, как и в течение всего периода с 1991 г.», – такой малоутешительный вывод делает автор.

Рецензируемая книга представляет собой редкий по нынешним временам пример вдумчивого, скрупулезного и непредвзятого анализа тенденций развития российской экономики. Несомненным достоинством работы является многомерность охвата тем и событий. Авторская трактовка основ и специфики системных преобразований в экономике России выглядит логически обоснованной и опирается на обширный фактологический материал. Отдельные разделы книги, как представляется, даже перегружены подробными описаниями событий и фактов. Напротив, порой не хватает развернутых обобщений и выводов, а возможно, и рекомендаций по рассматриваемым проблемам.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИЯ

В работе поставлено много важных для будущего России вопросов, которые пока остаются без ответа и могут стать предметом дальнейших обсуждений, в частности вопрос о преодолении «русской болезни». Книга, несомненно, будет очень полезна зарубежным студентам и аспирантам, изучающим экономику России, и научным исследователям, а также широкой аудитории, интересующейся проблемами российской экономики.

Библиография

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года от 29 сентября 2018 // Гарант. Ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71965871/> (дата обращения: 21.02.2020).

Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года // Гарант. Ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения: 21.02.2020).

Vercueil J. *Économie politique de la Russie. 1918–2018*. P.: Le Seuil (coll. Points économie), 2019. 432 p.

References

Osnovnye napravlenija dejatel'nosti Pravitel'stva Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda ot 29 sentjabrja 2018 [Main Activities of the Government of the Russian Federation for the Period until 2024 September 29, 2018]. Garant. Ru. Information and legal portal. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71965871/> (date of access: 21.02.2020). (In Russ.)

Ukaz Prezidenta RF «O nacional'nyh celjah i strategicheskikh zadachah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» ot 7 maja 2018 goda [Presidential Decree of May 7 2018 on the national development goals and strategic objectives of the Russian Federation for the period up to 2024]. Garant. Ru. Information and legal portal. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (date of access: 21.02.2020). (In Russ.)

Vercueil J. *Économie politique de la Russie. 1918–2018*. P.: Le Seuil (coll. Points économie), 2019. 432 p.